

Судебная перспектива: оправдать или карать

28 сентября 2023, 10:39 Владимир Филичкин

На фото Александр Власов и Владимир Филичкин

Нужны ли оправдательные приговоры? Можно ли давать преступнику еще один шанс, когда, казалось бы, и так все очевидно?

Некоторые считают, что этого делать нельзя, поскольку в попытке ложной жалости можно ущемить интересы добропорядочных граждан. Другие, напротив, убеждены в том, что лучше

отпустить преступника, чем осудить невиновного, и, если есть хоть какие-то сомнения, нужно вынести оправдательный приговор. Об этом мы решили поговорить с профессором Российской академии естествознания, директором научно-исследовательского института судебных экспертиз «СТЭЛС» Александром Власовым.

— Александр Юрьевич, думаю, что оправдательные приговоры чрезвычайно важны, поскольку важно смотреть на правонарушение не только с официальной юридической позиции, но и с позиции жизненной необходимости. Только тогда закон можно назвать справедливым, а общество — гуманным...

— Владимир Васильевич, вероятно, многие видели сравнительно недавнее выступление, оно было широко анонсировано, нашего председателя Верховного суда РФ, уважаемого и бессменного на протяжении последних десятилетий, который с некоторой гордостью и с элементами радушия, даже воодушевления, объяснил причину, по которой у нас практически отсутствуют оправдательные приговоры. Что у целого ряда скептически настроенных зрителей вызывает неоднозначные впечатления, особенно по сравнению с концом тридцатых годов в области реализации нашего

правосудия. В тот период, несмотря на общеизвестные мнения об этом периоде, как о самом трагичном в нашей истории и как о самом несправедливом с позиции реализации правосудия, такое понятие как «оправдательные приговоры» существовало и составляло даже несколько процентов.

Если у тебя есть сердце

— Да, я знаю это. Многих, наверное, удивит тот факт, что в современной России количество оправдательных приговоров суда редко превышает 0,8%, тогда как в разгар Большого террора эта цифра достигала 13%.

— Объяснение, которое дается с самого верха наших судебных органов, можно принять, только если не знать каким образом на самом деле это осуществляется.

— Подождите, а Лебедев-то что сказал? Почему у нас так?

— Лебедев сказал вот что — дословно практически. Ну или по смыслу о том, что отсутствие оправдательных приговоров — это результат замечательной и тщательной работы органов предварительного следствия, которые настолько скрупулезно и ответственно подходят к своей работе на этапе расследования дела, что к моменту попадания в суд там все ясно, и «все палочки перпендикулярны» уже. И, честно говоря, рассматривать-то уже особенно нечего. Можно просто дословно переписывать обвинительное заключение в приговор суда, а сама процедура судебного следствия выглядит достаточно формально.

— Это же ее задача, перепроверить предварительное следствие?

— Теоретически ее задача состоит именно в этом, потому что никогда нет уверенности, что на этапе предварительного следствия в силу каких-то обстоятельств — объективных или субъективных — не были допущены ошибки или злоупотребления. И, естественно, задача судебного следствия состоит в том, чтобы убедиться, что здесь действительно нет никакого предвзятого подхода.

— То есть получается, что работники следственного комитета работают лучше, чем судебные следователи? Те находят, а эти со всем соглашаются?

— Их работа в очень большой степени действительно стала формализована. Я про судебное следствие, потому что в абсолютном большинстве просто дублируется позиция предварительного следствия без всякого ее критического осмысления и без собственного понимания, что могут здесь быть какие-то альтернативные варианты.

— **А в связи с чем это, напрашивается вопрос?**

— Вопрос-то вот в чем. Это выглядит, на первый взгляд, достаточно логично, такой аргумент, что именно благодаря замечательной работе органов предварительного следствия у нас не может быть никаких судебных ошибок. И в связи с этим нет никакой необходимости выносить оправдательные приговоры, потому что все всем ясно.

Теперь ты в руках правосудия...

— Но люди же вообще часто ошибаются, они несовершенны, а тем более следствие — это такая тонкая материя. Очень часто доказательств бывает немного. И там же, как я помню, суд и следователь выносят решение еще и на основе собственной убежденности. Есть даже норма такая.

— Теоретически — да, эта норма существует. Что продукт этот, изготовленный судом, помимо всего прочего является результатом внутреннего ощущения суда в правоте постановляемого решения, т. е. вот это некое чувство...

— Оно, очевидно, и включается тогда, когда недостаточно доказательств, потому что зачем оно нужно, если все понятно.

— Это, на самом деле, удобный инструмент, который позволяет нивелировать противоречия, имеющиеся практически в каждом деле. Инструмент, конечно, абсолютно субъективного свойства, потому что оценить какими-то параметрами вот это неведомое чувство глубокого внутреннего убеждения в правоте принимаемого решения очень сложно.

— **А вот, профессор, существует же норма о том, что всякое сомнение трактуется в пользу обвиняемого, подсудимого? Должно трактоваться.**

— Ну, должно трактоваться, и позиция...

— **Презумпция невиновности.**

— Эта закреплена в отношении презумпции невиновности в целом ряде нормативных актов, но...

— Но тем не менее внутренняя убежденность позволяет судье выносить обвинительные приговоры?

— Позволяет. И вот в качестве именно самого высокого аргумента как раз и приведен вот этот аргумент о безупречной и добросовестной работе органов предварительного следствия, безошибочной их работы. И вот тут, значит, существует такой пикантный нюанс в отношении предварительной работы. На самом деле мало что изменилось с позиции, сформированной еще в свое время нашим генеральным прокурором Вышинским о том, что...

Ты ожидаешь высшего суда?

— Органы не ошибаются?

— Нет, другой аргумент, о том, что царицей доказательств является признание вины. Это основной аргумент, который очень эффективно работал и в прошлом, начиная с 30-х годов, и не потерял, собственно говоря, своей актуальности и в наше время. При этом он сейчас оснащен еще очень прекрасным дополнительным аксессуаром в виде регулирования размера наказания. То есть, если обвиняемый признает свою вину...

— И идет на сделку с правосудием.

— ...и идет на сделку, ему обещают, и в большинстве случаев добросовестно выполняют это обещание, что он получает наказание в размере не больше двух третей от того, которое предусмотрено законом и соответствующей статьей. А если он почему-то капризничает и не признает свою вину, например, в силу того, что не чувствует реально никакой причастности и не знает о том преступлении, что ему инкриминировано, то тогда, безусловно, получит по максимуму. И этот инструмент очень эффективно работает. То есть огромное количество у нас, и это ни для кого не секрет. Если кто-то об этом не знает, то адвокаты в большинстве случаев разъясняют эту позицию, реально существующую, о том, что признавайся, получишь половину или при самом худшем раскладе не больше двух третей. Ну и, собственно говоря, выбор-то невелик, поскольку оправдательных приговоров, как я уже сказал, практически не существует. Они бывают единичные, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности субъектов, а в плане какого-то жесткого криминального преследования такая

категория, как оправдательные приговоры, отсутствует напрочь вообще. Получается так, что когда человек приходит в суд и начинает уже там, осмыслив это все за время предварительного следствия, которое тянется и год, и два, оно может годами тянуться. Есть прецеденты и в нашей практике, когда и по пять, и по семь лет это все длится.

— А он все это время еще и под стражей находится?

А он все это время находится под стражей, да. И, в конце концов, вполне предсказуемо, что он начинает склоняться к тому, что не очень комфортно здесь находиться и лучше признаться в том, чего может быть и не было. И, в конце концов, освободиться раньше, чем продолжать упрямяться и получить еще больший срок.

Продолжение следует